

Межкультурные коммуникативные трудности подростков-мигрантов первого и второго поколений: кросс-культурный аспект

Самохвалова А.Г.

**ФГБОУ ВО «Костромской государственный университет» (ФГБОУ ВО КГУ),
г. Кострома, Российская Федерация**

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4401-053X>, e-mail: a_samohvalova@ksu.edu.ru

Метц М.В.

**Евангелическая Высшая школа,
г. Дармштадт, Германия**

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3056-7246>, e-mail: marina.metz@eh-darmstadt.de

Цель. Изучение коммуникативных трудностей в ситуациях межкультурного общения со взрослыми и сверстниками и способов их преодоления у подростков-мигрантов первого (беженцев) и второго поколений, проживающих в России и Германии.

Контекст и актуальность. Межкультурная коммуникация в современном обществе, с одной стороны, стала нормой жизни, с другой стороны, источником возникновения конфликтов, межнациональных барьеров. Особенно тяжело переживают миграционные процессы подростки, болезненно воспринимающие трудности освоения межкультурной коммуникации, как языковые, так и социально-психологические. Поэтому чрезвычайно важным является изучение коммуникативных трудностей подростков-мигрантов.

Дизайн исследования. Изучались кросс-культурные различия коммуникативных трудностей, возникающих у подростков-мигрантов первого и второго поколений в ситуациях межкультурного общения, а также способов их преодоления. Статистическая обработка проводилась с помощью *U*-критерия Манна—Уитни, множественного функционального критерия ϕ^* — угловое преобразование Фишера.

Участники. 200 подростков в возрасте 15–17 лет ($M=16,3$).

Методы (инструменты). Опросник «Трудности подростка в общении со сверстниками и взрослыми», метод незаконченных предложений, определяющий способы преодоления коммуникативных трудностей (автор А.Г. Самохвалова). Методический инструмент был переведен на немецкий язык и адаптирован М.В. Метц.

Результаты. Установлено, что существуют общие межкультурные коммуникативные трудности, возникающие у подростков-беженцев из зон военных конфликтов, независимо от места их проживания. Подростки-мигранты второго поколения более успешны в межкультурных коммуникациях. Мигранты первого поколения значимо чаще используют деструктивные стратегии преодоления межкультурных коммуникативных трудностей.

Основные выводы. У подростков-мигрантов первого и второго поколений, проживающих в Германии и России, существуют как общие, так и культурно-специфические коммуникативные трудности.

Ключевые слова: миграция, межкультурное общение, подросток, коммуникативные трудности, преодоление, ресурсы.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках научного проекта № 17-06-00607-ОГН/19.

Для цитаты: Самохвалова А.Г., Метц М.В. Межкультурные коммуникативные трудности подростков-мигрантов первого и второго поколений: кросс-культурный аспект // Социальная психология и общество. 2020. Том 11. № 3. С. 149–166. DOI:<https://doi.org/10.17759/sps.2020110310>

Intercultural Communicative Difficulties of Teens Migrants of the First and Second Generation: Cross-Cultural Aspect

Anna G. Samokhvalova

Kostroma State University, Kostroma, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4401-053X>, e-mail: a_samokhvalova@ksu.edu.ru

Marina V. Metz

an Evangelical graduate school, Darmstadt, Germany

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3056-7246>, e-mail: marina.metz@eh-darmstadt.de

Objectives. *The study of communicative difficulties in situations of intercultural communication with adults and peers and how to overcome them among teenage migrants of the first (refugees) and second generation, living in Russia and Germany.*

Background. *Intercultural communication in modern society, on the one hand, has become the norm of life, on the other hand, a source of conflict and interethnic barriers. Teens, who are sensitive to the difficulties of mastering intercultural communication, both linguistic and socio-psychological, are experiencing especially difficult migration processes. Therefore, it is extremely important to study the communicative difficulties of migrant teens.*

Study design. *We studied the cross-cultural differences in communicative difficulties that arise in teens migrants of the first and second generation in situations of intercultural communication, as well as ways to overcome them. Statistical processing was carried out using the Mann–Whitney U-test, the multiple functional criterion ϕ^* – the Fisher angular transformation.*

Participants. *200 teens aged 15–17 years ($M=16.3$).*

Measurements. *Questionnaire “Difficulties of a teenager in communicating with peers and adults”, the method of unfinished sentences, which determines how to overcome communicative difficulties (author A.G. Samokhvalova). The methodological tools were translated into German and adapted by M.V. Metz.*

Results. *It has been established that there are common intercultural communication difficulties that arise among refugee teens from zones of military conflict, regardless of their place of residence. Second-generation migrant teens are more successful in intercultural communication. First-generation migrants are significantly more likely to use destructive strategies to overcome intercultural communication difficulties.*

Conclusions. *Migrant teens of the first and second generation living in Germany and Russia have both general and culturally specific communicative difficulties.*

Keywords: *migration, intercultural communication, teen, communication difficulties, overcoming, resources.*

Funding. *The reported study was funded by Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project number 17-06-00607-ОГН/19.*

For citation: Samokhvalova A.G., Metz M.V. Intercultural Communicative Difficulties of Teens Migrants of the First and Second Generation: Cross-Cultural Aspect. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2020. Vol. 11, no. 3, pp. 149–166. DOI:<https://doi.org/10.17759/sps.2020110310> (In Russ., abstr. in Engl.)

Введение

Миграционные процессы современного общества, связанные с военными конфликтами, политическими волнениями, экстремизмом, низким уровнем социально-экономического развития некоторых стран, безработицей и др., делают социум весьма динамичным, являются своего рода катализатором интеграционной активности субъектов взаимодействия. Межкультурная коммуникация, с одной стороны, стала нормой жизни для современного общества, приобрела признаки стержневой тенденции его развития, с другой стороны, становится источником возникновения межнациональных и межконфессиональных барьеров, является стрессом, ситуацией вызова для мигрантов, которым необходимо адаптироваться к новой, незнакомой, нередко враждебной социокультурной среде.

Особенно тяжело переживают миграционные процессы дети, поскольку они болезненно воспринимают трудности освоения межкультурной коммуникации, как языковые, так и социально-психологические. Подростковый возраст представляет собой особый период, когда начинает формироваться национальная идентичность, Я-концепция, связанная с социокультурным менталитетом. Личность уже чувствует себя достаточно взрослой, чтобы некритически копировать поведение родителей, однако является недостаточно зрелой, чтобы выстраивать самостоятельные стратегии межкультурной коммуникации, безболезненно интегрироваться в новую среду. В ситуациях межкультурных коммуникаций на подростка-мигранта воздействуют три группы факторов (микрофакторы, мезофакторы и макрофакторы), затрудняющих общение [2]. Поэтому им требуется адресная пси-

холого-педагогическая помощь, направленная на интеграцию в современном поликультурном пространстве, осознание и преодоление коммуникативных трудностей, возникающих в процессе межкультурного общения со сверстниками и взрослыми.

Межкультурные коммуникативные трудности понимаются как различной силы и степени выраженности объективные или субъективно переживаемые препятствия межкультурной коммуникации, нарушающие внутреннее равновесие субъекта(ов) общения, усложняющие межличностные отношения; требующие внутренних усилий, направленных на их преодоление [4].

Теоретический анализ психологических, социально-педагогических, психолого-педагогических исследований, отражающих специфику социального взаимодействия и общения мигрантов, представителей различных стран, этнических групп и конфессий, позволил выявить проблематику, которая находится в современном научном дискурсе в центре внимания. Так, в науке исследованы:

— взаимосвязь культурных особенностей и социального поведения личности (Г.К. Триандис) [6];

— типы неуспеха подростков-мигрантов в школе (С. Зандрик) [12];

— вопросы этнической самоидентификации, самодифференциации и аккультурирующих стратегий подростков-мигрантов первого поколения (Д.М. Майстер) [10];

— индивидуальные компетенции и потенциалы подростков-мигрантов, способствующие успешной адаптации в новой среде, роль психологической поддержки семьи и образования в аккультурации (Э. Тепичек) [7];

— проблема языкового конфликта между родным языком и языком, кото-

рый подлежит освоению в новой социокультурной среде (А. Шнитцер) [7];

— с позиций миграционной педагогики изучены опасности расистских и ксенофобных тенденций в системе образования, предложена модель развития новых перспектив современного поликультурного общества (П. Минчерал) [9];

— создана концепция «рефлексивной межкультурности», в основе которой лежит принцип понимания различий (Ф. Гамбургер) [8].

Таким образом, проблема исследования межкультурных трудностей детей-мигрантов и поиск путей их конструктивного преодоления являются актуальными вопросами для зарубежных исследователей. Однако трудности в западной психологии и педагогике рассматриваются довольно широко, как трудности адаптации к новой социокультурной среде. Коммуникативные же трудности мигрантов, возникающие в ситуациях межкультурного диалога, не исследованы. В отечественной науке также отсутствуют обоснованные данные, отражающие специфику коммуникативных трудностей подростков, имеющих различный миграционный фон. Тем более нет исследований, направленных на выявление кросс-культурных различий коммуникативных трудностей мигрантов, проживающих в России и Германии. Это и обусловило выбор *проблемы нашего исследования*: существуют ли различия коммуникативных трудностей подростков-мигрантов первого и второго поколений, приехавших на постоянное место жительства в провинциальные города России и Западной Германии?

В качестве *гипотезы исследования* выступает предположение о существовании общих межкультурных коммуникативных трудностей, характерных для подростков-мигрантов; а также о наличии специфических межкультурных коммуникативных

трудностей беженцев и мигрантов второго поколения, приехавших на постоянное место жительства в Германию и в Россию.

Программа исследования

Нами было организовано кросс-культурное исследование, *целью* которого стало изучение коммуникативных трудностей в ситуациях межкультурного общения со взрослыми и сверстниками, а также способов их преодоления у подростков-мигрантов первого (беженцев) и второго поколений, проживающих в данный момент в России и Германии.

Совокупная выборка включала 200 старших подростков в возрасте 15–17 лет ($M=16,3$; $SD=1,89$) и состояла из четырех групп:

1 группа — беженцы из Украины (из г. Донбасс, г. Луганск), вынужденные уехать из зоны боевых действий, приехавшие в Кострому на постоянное место жительства, имеющие миграционный фон от 1 до 3 лет (28 девушек, 22 юноши);

2 группа — подростки-мигранты второго поколения (армяне, грузины, азербайджанцы, таджики, узбеки, молдаване по национальности), родители которых приехали в Кострому к своим родственникам или на заработки до момента рождения детей и проживающие здесь по настоящее время, миграционный фон семьи от 15 до 20 лет (24 девушки, 26 юношей);

3 группа — беженцы из зон военных конфликтов — Сирии, Турции, Ирана, Египта, приехавшие в Германию на постоянное место жительства, имеющие миграционный фон от 1 до 2 лет (19 девушек, 31 юноша);

4 группа — подростки-мигранты второго поколения (поляки, чехи, болгары, русские), семьи которых приехали в Германию (г. Дармштадт, г. Трайза) до момента

рождения детей и проживают по настоящее время, миграционный фон семьи от 16 до 25 лет (27 девушек, 23 юноши).

В целях проведения исследования было получено добровольное согласие от родителей респондентов, от администрации образовательных организаций. Сами подростки также выразили желание участвовать в исследовании на условиях конфиденциальности, были ознакомлены с его результатами. Исследование проводилось в образовательных организациях (школах, гимназиях, лицеях, колледжах), где обучаются подростки-мигранты, с соблюдением этических норм, а также мер безопасности при осуществлении сбора эмпирических данных.

Методический инструментарий включал опросник А.Г. Самохваловой «Трудности подростка в общении со сверстниками и взрослыми», позволяющий выявлять *коммуникативные трудности, возникающие в ситуациях межкультурного общения* (базовые, содержательные, инструментальные и рефлексивные). Психометрическая проверка данной методики в измерении коммуникативных трудностей подростков в общении со взрослыми и сверстниками дала значимые результаты, свидетельствующие о дифференцированной оценке субшкалами методики заявленного конструкта. Результаты показали хорошую конструктивную валидность методики, включая ее теоретически обоснованную факторную структуру в отношении разных возрастных категорий, а также статистически проверенную конвергентную и дискриминантную валидность [2]. Вопросы по оценке актуальных коммуникативных трудностей были теми же, что использовались нами в предыдущих кросс-культурных исследованиях [3; 4].

Способы преодоления подростками-мигрантами коммуникативных трудностей исследовались с помощью проективного

метода незаконченных предложений [4]. *Категориями контент-анализа* свободных высказываний подростков были эмоциональное отношение подростка к процессу межкультурного общения и способы преодоления коммуникативных трудностей.

Для проведения исследования в Германии, а также с целью обеспечения культурологической валидности диагностических методов методический инструментарий был переведен на немецкий язык и адаптирован Метц Мариной Валерьевной, доктором философии (PhD), преподавателем Евангелической Высшей школы г. Дармштадт.

Процедура исследования предполагала равные условия участия для всех респондентов, которым было предложено заполнить бланки методик в естественных условиях образовательного учреждения. Подростков-мигрантов при этом не выделяли из общего количества обучающихся в классе, группе (т.е. бланки методик заполняли все учащиеся класса). Впоследствии эмпирические данные, полученные от подростков-мигрантов, отбирались и отдельно анализировались.

Статистическая обработка проводилась с помощью программного пакета SPSS Statistics V.19.0 (U-критерий Манна-Уитни, множественный функциональный критерий ϕ^* — угловое преобразование Фишера). Результаты анализировались в формате межгруппового сравнения.

Результаты

В исследовании сравнивались коммуникативные трудности, свойственные мигрантам первого поколения, проживающим в России, с коммуникативными трудностями мигрантов первого поколения, проживающих в Германии. Отдельно сравнивались трудности, возникающие у

представителей двух групп в общении со сверстниками, и трудности, возникающие в общении со взрослыми людьми.

Установлено, что некоторые коммуникативные трудности свойственны беженцам из зон военных конфликтов, независимо от места их проживания. Например, общими являются такие *базовые коммуникативные трудности*, как раздражительность, безынициативность, ожидание предвзятого к себе отношения со стороны представителей другой культуры, неуверенность в себе. Большая часть *содержательных и инструментальных коммуникативных трудностей* также является общей для беженцев, проживающих в Германии и в России. Это трудности ориентации в коммуникативной ситуации,

трудности целеполагания и планирования, трудность перестройки коммуникативной программы, а также вербальные трудности, трудности построения диалога, принятия ведущей позиции.

Кроме того, результаты показали наличие *кросс-культурных различий коммуникативных трудностей*, возникающих у мигрантов первого поколения, приехавших в Германию и в Россию из зон военных конфликтов (табл. 1).

Согласно полученным в исследовании данным, у *мигрантов второго поколения*, проживающих как в Германии, так и в России, значимо реже возникают трудности межкультурного общения, по сравнению с мигрантами-беженцами первого поколения: *базовые* ($U=178,5$; $p=0,001$), *содержа-*

Таблица 1

Кросс-культурные различия в коммуникативных трудностях подростков-мигрантов первого поколения (по U-критерию Манна–Уитни)

Коммуникативные трудности	Выраженность коммуникативных трудностей в ситуациях общения со взрослыми (среднее значение, m)		Выраженность коммуникативных трудностей в ситуациях общения со сверстниками (среднее значение, m)	
	Мигранты, проживающие в Германии (n=50)	Мигранты, проживающие в России (n=50)	Мигранты, проживающие в Германии (n=50)	Мигранты, проживающие в России (n=50)
1	2	3	4	5
Трудности эмпатии	3,26**	2,17	3,62**	2,39
Раздражительность	3,52**	2,13	1,97	3,12**
Безынициативность	3,75***	1,51	2,56	3,28*
Эгоцентризм	2,74	2,53	3,36**	1,91
Трудность в установлении контакта	1,39	2,72**	2,63	3,29*
Ожидание предвзятости	2,74*	1,69	1,35	3,24***
Неуверенность в себе	3,32***	1,46	1,91	3,15**
Конформизм	2,68	3,79**	2,13	3,23**
Эмоционально-личностная зависимость от партнера	1,47	2,94***	2,71	2,98

Коммуникативные трудности	Выраженность коммуникативных трудностей в ситуациях общения со взрослыми (среднее значение, m)		Выраженность коммуникативных трудностей в ситуациях общения со сверстниками (среднее значение, m)	
	Мигранты, проживающие в Германии (n=50)	Мигранты, проживающие в России (n=50)	Мигранты, проживающие в Германии (n=50)	Мигранты, проживающие в России (n=50)
1	2	3	4	5
Зависть	1,44	1,68	1,95	3,52***
Трудности ориентации в коммуникативной ситуации	2,96**	1,82	2,30	3,11**
Трудности целеполагания	2,86**	1,62	2,73	3,45*
Трудности планирования	2,71*	2,03	2,52	3,21*
Неспособность предвидеть конфликт	0,96	1,22	3,15*	2,51
Трудности выбора способа влияния	1,84	2,11	2,95*	2,21
Трудность перестройки коммуникативной программы	3,29**	2,10	2,84	3,52*
Вербальные трудности	3,12*	2,46	2,23	2,99*
Трудности построения диалога	3,74***	2,12	2,12	3,82**
Трудность принятия ведущей позиции	3,36**	2,45	2,07	2,85*
Трудности самоконтроля	2,32	2,13	3,24**	2,11
Трудность самоанализа коммуникативных действий	3,43**	2,64	2,87	2,93
Неспособность давать адекватную оценку своим действиям	3,24*	2,55	3,53**	2,41
Неспособность признать собственные ошибки	3,17*	2,52	2,71	3,34*
Неспособность исправлять собственные ошибки	1,82	2,97**	2,43	3,51**
Страх использования новых способов общения	3,44*	2,76	2,44	3,17*

Примечание: пары показателей, между которыми выявлены статистически значимые различия, выделены полужирным шрифтом; на большем значении пометка, свидетельствующая об уровне значимости различий: * — значимость различий $p \leq 0,050$, ** — значимость различий $p \leq 0,010$, *** — значимость различий $p \leq 0,001$.

тельные ($U=228,0$; $p=0,001$); инструментальные ($U=262,5$; $p=0,008$) и рефлексивные ($U=315,5$; $p=0,02$). У мигрантов второго по-

коления, проживающих в России, значимо реже возникают трудности межкультурного взаимодействия ($U=231,5$; $p=0,002$).

Общими коммуникативными трудностями для мигрантов второго поколения, проживающих в Германии и в России, являются *базовые* — трудность в установлении контакта, эмоционально-личностная зависимость от партнера; *инструментальные* — вербальные трудности; *рефлексивные* — трудность самоанализа коммуникативных действий.

В ходе исследования выявлены также *кросс-культурные различия коммуникативных трудностей подростков-мигрантов второго поколения*, проживающих в разных странах. Результаты анализировались в формате межгруппового сравнения (табл. 2).

Вторая часть исследования была посвящена выявлению *стратегий преодолевающего поведения подростков-мигрантов*

Таблица 2

Кросс-культурные различия в коммуникативных трудностях подростков-мигрантов второго поколения (по U-критерию Манна–Уитни)

Коммуникативные трудности	Выраженность коммуникативных трудностей в ситуациях общения со взрослыми (среднее значение, m)		Выраженность коммуникативных трудностей в ситуациях общения со сверстниками (среднее значение, m)	
	Мигранты, проживающие в Германии (n=50)	Мигранты, проживающие в России (n=50)	Мигранты, проживающие в Германии (n=50)	Мигранты, проживающие в России (n=50)
1	2	3	4	5
Трудности эмпатии	2,06	3,12**	2,18	3,24**
Раздражительность	2,86**	1,79	2,18	2,34
Безынициативность	1,97	2,11	2,93*	2,13
Конформизм	3,32**	2,19	2,86	2,72
Трудность в установлении контакта	2,75**	1,68	2,39	3,16*
Эмоционально-личностная зависимость от партнера	2,98*	2,21	1,87	3,33***
Трудности ориентации в коммуникативной ситуации	1,98	1,67	2,56***	1,07
Трудности целеполагания	2,76**	1,54	2,13	2,35
Трудности планирования	2,43*	1,76	1,75	1,87
Неспособность предвидеть конфликт	1,86	2,04	2,97**	2,21
Трудности выбора способа влияния	2,98**	1,85	1,67	1,45
Трудность перестройки коммуникативной программы	3,41**	2,23	2,76	2,53
Трудности прогнозирования	3,12**	1,98	2,78**	1,67
Недостаток коммуникативных знаний	2,79**	1,66	1,98	1,86

Коммуникативные трудности	Выраженность коммуникативных трудностей в ситуациях общения со взрослыми (среднее значение, m)		Выраженность коммуникативных трудностей в ситуациях общения со сверстниками (среднее значение, m)	
	Мигранты, проживающие в Германии (n=50)	Мигранты, проживающие в России (n=50)	Мигранты, проживающие в Германии (n=50)	Мигранты, проживающие в России (n=50)
1	2	3	4	5
Вербальные трудности	2,54*	1,71	2,13	2,76*
Невербальные трудности	2,12	2,03	2,98**	1,83
Трудность принятия ведущей позиции	3,41**	2,26	2,96	2,88
Трудности самоконтроля	2,65**	1,37	2,87*	2,17
Трудность самоанализа коммуникативных действий	3,22**	2,03	2,29	3,31**
Неспособность давать адекватную оценку своим действиям	2,95*	2,11	3,02**	1,98
Неспособность исправлять собственные ошибки	2,14	2,36	2,49	3,17*
Трудность понимания намерений партнера	2,78**	1,65	1,76	1,54
Страх использования новых способов общения	3,21**	2,13	2,18	1,97

Примечание: пары показателей, между которыми выявлены статистически значимые различия, выделены полужирным шрифтом; на большем значении пометка, свидетельствующая об уровне значимости различий: * – значимость различий $p \leq 0,050$, ** – значимость различий $p \leq 0,010$, *** – значимость различий $p \leq 0,001$.

первого и второго поколений в ситуациях затрудненного общения (табл. 3).

Таким образом, результаты исследования подтвердили существование кросс-культурных различий стратегий преодоления коммуникативных трудностей мигрантами первого и второго поколений, проживающими в России и Германии.

Обсуждение результатов

Результаты исследования показали, что в ситуациях межличностного общения беженцам из зон военных конфлик-

тов, независимо от места их проживания, свойственны общие базовые коммуникативные трудности (раздражительность, безынициативность, ожидание предвзятого к себе отношения со стороны представителей другой культуры, неуверенность в себе). Причем эти трудности у беженцев, проживающих в Германии, возникают в процессе межкультурного общения со взрослыми людьми (педагогами, соседями, незнакомыми людьми), к которым подростки относятся настороженно, порой враждебно, стремятся избегать с ними контактов, боясь осуждения с их стороны, непонимания. Им

Таблица 3

Стратегии преодоления коммуникативных трудностей подростков-мигрантов, проживающих в Германии и в России (по результатам контент-анализа, критерий ϕ^* – угловое преобразование Фишера)

Стратегии преодолевающего поведения	Частота упоминаний (в % от общего количества человек в группе)		Эмпирическое значение ϕ^*
	Подростки, проживающие в Германии (n=50)	Подростки, проживающие в России (n=50)	
<i>Стратегии преодоления коммуникативных трудностей мигрантами первого поколения</i>			
1	2	3	4
Моббинг	22	72	6,18***
Обвинение	28	6	3,23**
Уход в болезнь	40	2	4,53***
Страх, паника, отчаяние	44	18	3,98**
Суицидальные мысли, чувства	28	-	3,18**
Надежда на чудо	12	42	4,76***
Бездействие, апатия	26	4	1,93*
<i>Стратегии преодоления коммуникативных трудностей мигрантами второго поколения</i>			
Социальная поддержка	64	26	5,12***
Дистанцирование	22	58	5,35***
Поиск решения возникшей проблемы	20	46	2,15**
Манипулятивная стратегия	24	60	4,76***
Эмоциональная разрядка	42	26	2,97**

Условные обозначения: * – значимость различий $p \leq 0,050$, ** – значимость различий $p \leq 0,010$, *** – значимость различий $p \leq 0,001$.

легче адаптироваться к группе сверстников, где они чувствуют себя более защищенными, где возникают отношения на равных, где они не испытывают давление авторитета взрослых. Беженцы из Украины, проживающие в России, напротив, вышеупомянутые трудности испытывают в процессе межкультурной коммуникации со сверстниками. В школьном классе мигранты чувствуют себя небезопасно, часто становятся жертвами буллинга, кибербуллинга, троллинга, испытывают страх быть смешными, выглядеть нелепо, не соответствовать обще-

групповым социальным нормам. Это и обуславливает возникновение базовых коммуникативных трудностей, препятствующих самовыражению и естественности в общении. Со взрослыми же, особенно с педагогами школы, украинские подростки демонстрируют тенденцию «сближения», ищут в них поддержки, имитируют паттерны их поведения, стараются вызвать их одобрение любыми способами. Это подтверждают и результаты проведенного нами ранее исследования [3]. Именно этим можно объяснить чрезмерную эмоционально-личностную

зависимость беженцев из Украины от взрослых, которая препятствует свободным, спонтанным, креативным способам межкультурного общения, тормозит процесс аккультурации.

Кроме того, выявлены специфические базовые коммуникативные трудности, свойственные беженцам, проживающим в Германии, — *низкий уровень развития эмпатии* (затрудняет общение как со взрослыми, так и со сверстниками, препятствует взаимопониманию, ориентации собственных действий на настроение и желания партнера), *эгоцентризм*, проявляющийся в межличностных контактах со сверстниками, направленный на самоутверждение в группе, нередко сопровождающийся протестным, упрямым, демонстративным поведением. Подобное поведение, согласно концепции С. Зандрик, связано с комплексной детерминацией школьного неуспеха мигранта, вызванной семейными и школьными проблемами, отсутствием эмоциональной поддержки со стороны значимых людей [12].

Беженцы, проживающие в России, в ситуациях межкультурного общения со взрослыми и сверстниками проявляют *конформизм*, отказываясь от своих интересов, подчиняясь мнению большинства, не пытаясь высказать свою позицию. Вместе с тем у них возникает *чувство зависти* к популярным, успешным, авторитетным, материально обеспеченным сверстникам, которым они, с одной стороны, подчиняются, стараются понравиться, а с другой стороны, испытывают враждебность и недоброжелательность. Причиной деструктивных и манипулятивных форм общения беженцев из Украины, как показано в исследовании В.Н. Кусургашева, можно считать воздействие хронического стресса, длительного чувства страха и несправедливости [1].

Большая часть содержательных и инструментальных коммуникативных трудностей также является общей для беженцев, проживающих в Германии (возникают в процессе общения со взрослыми) и в России (возникают в коммуникациях со сверстниками). Это *трудности ориентации в коммуникативной ситуации, трудности целеполагания и планирования, трудность перестройки коммуникативной программы*, а также *вербальные трудности, трудности построения диалога, принятия ведущей позиции*. Объяснить данный факт мы можем с позиции теории Д.М. Майстера, который обращает внимание на то, что мигранты, приехавшие в Германию, в подростковом возрасте идентифицируют себя этнически и объединяются в неформальные группы жестко по этническому признаку [10, с. 83]. Поэтому им вполне достаточно полноценного общения со «своими», они не стремятся устанавливать доверительные отношения с инокультурными сверстниками, поэтому и не испытывают содержательных и инструментальных трудностей в межкультурном диалоге. Единственное, что им мешает в общении, — это языковой барьер, который преодолевается постепенно. Однако равнодушные к сверстникам других национальностей и внутреннее спокойствие беженцев мешают им *предвидеть конфликтные ситуации* в поликультурной группе, которые довольно часто возникают, сопровождаются вербальной и физической агрессией. В подобных случаях у беженцев возникают *трудности выбора способов влияния и самоконтроля*, они не готовы решать конфликты мирным путем, быстро «вспыхивают» и провоцируют развитие конфликта.

В общении со взрослыми ситуация иная. Подростки-беженцы в образовательной среде и в различных бытовых ситуациях вынуждены включаться

в межкультурное взаимодействие со взрослыми, они зависимы от их мнения и отношения. Поэтому у мигрантов возникают вариативные коммуникативные трудности, связанные с содержательной и поведенческой сторонами общения.

Беженцы из Украины, напротив, очень доверяют взрослым, им легче рассказать педагогам, соседям о своих проблемах, переживаниях, они видят в них «образы своих родителей», чувствуют себя защищенными [5]. А подростковая среда воспринимается ими крайне осторожно, тревожно, они никому не доверяют, ожидают предательства от сверстников (сказывается негативный опыт проживания в зонах боевых действий, где подростки должны были «доносить» на своих одноклассников учителям). Поэтому беженцам трудно планировать и выстраивать коммуникации с одноклассниками, вести откровенный разговор, выражать свои эмоции и мысли в ситуации общения.

Что касается рефлексивных коммуникативных трудностей, то у беженцев, проживающих в Германии, значимо чаще *возникают трудности самоанализа коммуникативных действий, неспособность давать адекватную оценку своим действиям, страх использования новых способов общения*. Беженцы, проживающие в России, *не способны признавать и исправлять собственные ошибки*. Это, на наш взгляд, является защитной реакцией мигрантов на барьеры аккультурации. С позиций теории повседневности Ф. Гамбургера дети с миграционным фоном ежедневно сталкиваются с критическими ситуациями, которые они перерабатывают по-разному. В их повседневной жизни они сталкиваются со сверстниками и взрослыми, которые либо уважают их и принимают их как личность, либо видят в них что-то особенное и относятся к ним как к особенным, даже если они не хотят

быть чем-то особенным как в позитивном, так и в негативном смысле [8, с. 83]. Многие подростки-мигранты в своем социальном мире хотят быть как другие, не выделяться. Поэтому у них возникают трудности *самопонимания, самоанализа, протест против исправления ошибок*, на которые указывают им окружающие, мораторий на использование *новых, креативных форм общения*.

Тот факт, что у *мигрантов второго поколения*, проживающих как в Германии, так и в России, значимо реже возникают трудности межкультурного общения (базовые, содержательные, инструментальные и рефлексивные), по сравнению с мигрантами-беженцами первого поколения, связан, скорее всего, с успешной аккультурацией, интеграцией семей в новую социокультурную общность, с приобретенным положительным опытом межкультурного взаимодействия, с передачей через систему детско-родительских отношений конструктивных паттернов общения в иноязычной, инокультурной стране. Кроме того, у мигрантов второго поколения, проживающих в России, значимо реже возникают трудности межкультурного взаимодействия, что связано, на наш взгляд, с генетической памятью народов бывшего СССР, коллективизмом [6], общностью национальных менталитетов и социокультурными традициями совместного проживания представителей разных национальностей (армяне, грузины, азербайджанцы, таджики, узбеки, молдаване и др.) в Советском Союзе.

Общими коммуникативными трудностями для мигрантов второго поколения, проживающих в Германии и в России, являются *базовые* — трудность в установлении контакта, эмоционально-личностная зависимость от партнера; *инструментальные* — вербальные трудности;

рефлексивные — трудность самоанализа коммуникативных действий. Причем подростки, приехавшие в Германию, испытывают данные коммуникативные трудности преимущественно в процессе межкультурного взаимодействия со взрослыми; проживающие в России — в межкультурном диалоге со сверстниками (эти тенденции выявлены и у мигрантов первого поколения). Видимо, закономерности социальной перцепции мигрантами взрослых и сверстников сохраняются независимо от стажа миграционного фона семьи.

Вместе с тем у подростков-мигрантов второго поколения существуют ярко выраженные специфические коммуникативные трудности, возникающие в ситуациях межкультурного общения. Так, мигранты, проживающие в Германии, значимо чаще в процессе общения со взрослыми в поликультурной среде испытывают *раздражительность, конформизм, трудности целеполагания и планирования, недостаток коммуникативных знаний, трудность принятия ведущей позиции, понимания намерений партнера, страх использования новых способов общения*.

Несмотря на провозглашаемую автономность подростка как субъекта, ценностно-культурный контекст Германии подразумевает как авторитет взрослых, так и отсутствие конфликта со взрослыми, особенно в школьном контексте. От уровня приспособляемости к требованиям школьных педагогов, выстраивания с ними эмоционально-коммуникативных отношений, уступчивости и послушания часто зависит образовательная судьба подростка. Этот факт интериоризируется как родителями, вкладывающими ресурсы в образование ребенка и осуществляющими постоянный контроль, так и самими подростками, что, без сомнения, структурирует такие модели

коммуникации, как соблюдение субординации, уступчивость со стороны подростков, подражание действиям взрослого (педагога, родителя, наставника) и соответствие его требованиям. Ведь при несоблюдении этих нормативных требований взрослые в школе (учителя) могут оценить подростка как «не справляющегося» и «отсеять его» на более низкую ступень образования [11].

В Германии мигрантам свойственны *безынициативность, трудности ориентации в коммуникативной ситуации, неспособность предвидеть конфликт, невербальные трудности, нежелание исправлять собственные ошибки*. Этот результат, скорее всего, связан с коллективным «терминированным стандартом жизни» в Германии, который распространяется на все области жизни и коммуникации подростков: семейную, социальные контакты, школу, внешкольную деятельность. Он предполагает четкое планирование и подробное обсуждение цели и содержания любого мероприятия. К такой жесткой регламентации межличностных отношений мигранты не привыкли, поэтому склонны к защитным реакциям [4].

Трудности прогнозирования, самоконтроля и неспособность давать адекватную оценку своим действиям проявляются у мигрантов второго поколения, проживающих в Германии, как в общении со сверстниками, так и со взрослыми. Это приводит к хаотичности коммуникативных действий, неадекватности поведения в ситуациях межкультурного взаимодействия, неспособности контролировать и своевременно корректировать собственные действия. Причиной возникновения подобных коммуникативных трудностей может быть *языковой конфликт*, характерный, по мнению А. Шнитцер, для мигрантов второго поколения [7, с. 123]. Многоязычие в Германии рассматривается как

проблема, пользование родным языком считается препятствием для изучения немецкого языка. В контексте школы родной язык считается маргинализированным, непризнанным и нерелевантным. В контексте семьи немецкий язык выступает в той же роли. Поэтому языковая и коммуникативная действительность подростков находится в состоянии постоянного дисбаланса, преодоление которого требует серьезного усилия, особенно в подростковом возрасте [7, с. 130].

У мигрантов второго поколения, проживающих в России, проявляются *трудности эмпатии*. Им сложно понять чувства и мысли сверстников и взрослых, поставить себя на их место, взглянуть на ситуацию их глазами. В межкультурном общении со сверстниками коммуникативные трудности возникают чаще. Это *трудность в установлении контакта, повышенная эмоционально-личностная зависимость от партнера, вербальные трудности, трудность самоанализа коммуникативных действий, неспособность исправлять собственные ошибки*. Мигранты второго поколения в школьном классе зачастую являются непопулярными, подвергаются остракизму, буллингу, испытывают гелотофобию [11]. Именно поэтому они чрезмерно тревожны, осторожны, пытаются найти сильного, популярного одноклассника и проявляют модели зависимого, конформного поведения по отношению к нему. Вместе с тем формирующаяся национальная идентичность мигрантов стимулирует процессы их индивидуализации, автономизации, что препятствует адекватной самооценке и самоанализу, а также стимулирует протестные формы поведения, блокирующие способность к рефлексии и мотивацию исправления собственных ошибок в межкультурной коммуникации. Этот внутренний конфликт подростков затрудняет их сво-

бодное самовыражение в общении, тормозит развитие межкультурной коммуникативной компетентности.

Интересные факты обнаружены при анализе *стратегий преодоления мигрантами первого и второго поколений коммуникативных трудностей*. Большинство стратегий, используемых мигрантами первого поколения, приехавших в Россию и Германию из зон боевых действий, можно считать неэффективными, поскольку они связаны с деструктивными эмоциями, защитным и саморазрушающим поведением. Так, подростки-беженцы, проживающие в Германии, значимо чаще склонны *винить других людей*, членов своей семьи, школьных педагогов, одноклассников, социальную ситуацию, политическую обстановку и др. в своих проблемах, считают, что «судьба к ним несправедлива», «их никто не понимает, к ним все равнодушны», уверены, что «достойны лучшей жизни», «должны жить так же хорошо, обеспеченно, как коренные немцы». Нередко в новых социокультурных условиях мигранты, сталкиваясь с многообразными трудностями, испытывают *страх, панику, отчаяние* («паника охватывает меня с головой», «боюсь представить, что со мной будет дальше», «хочу кричать от страха за себя», «меня трясет от мысли, что это происходит со мной»). Для них характерны эмоциональная лабильность, непредсказуемость поведения, неспособность контролировать свои эмоциональные проявления. Причем эти состояния не мобилизируют подростков, не стимулируют их к поиску конструктивного решения возникших проблем, а напротив, приводят к *бездействию, апатии*. У многих даже возникают *суицидальные мысли, чувства, намерения* («думаю о самоубийстве», «зачем мне жить?», «если меня не станет, будет лучше всем», «хочу на небо», «в царстве мертвых весь ужас закончится...»).

Некоторые подростки, не способные совладать с возникающими трудностями, имитируют плохое самочувствие, пропуская занятия, *уходя в болезнь*, отказываясь от решения проблемы. Нужно заметить, что подобная стратегия используется в Германии не только подростками, но и взрослыми, поэтому мигранты имитируют данную модель поведения в трудных ситуациях межличностного общения. Болезнь и плохое самочувствие являются общественно приемлемой причиной взять «timeout», дистанцироваться от конфликта, регенерировать эмоциональное и психическое состояние [4].

Весьма противоречивые модели преодолевающего поведения свойственны мигрантам-беженцам, проживающим в России. С одной стороны, они используют *стратегию моббинга* по отношению к одноклассникам, в общении с которыми у них возникают трудности («силой доказываю свою правоту», «бью», «обзываю», «подавляю», «унижаю», «показываю свое превосходство», «высмеиваю», «распространяю неприличные сообщения про них в социальных сетях»). С другой стороны, склонны к *фантазированию*, *верят в чудо*, *надеются на лучшее* («мечтаю вернуться на родину», «думаю, что скоро подружусь с одноклассниками», «мечтаю, что стану крутым, богатым и сильным», «представляю себя взрослым и успешным», «верю в лучшее»).

И первая, и вторая стратегии, на наш взгляд, являются защитными, позволяющими подросткам заглушить собственную боль, уйти от мыслей о своих проблемах, минимизировать стресс адаптации к новой социокультурной среде, которая воспринимается ими как враждебная, чужая, не принимающая, непонятная.

Более адаптивные и адекватные стратегии преодолевающего поведения зафиксированы у подростков-мигрантов

второго поколения. Так, мигрантам, проживающим в Германии, присущи *поиск социальной поддержки* («иду в клуб», «прошу совета у социального работника», «рассказываю психологу о своих проблемах») и *склонность к эмоциональной разрядке* («плачу/смеюсь», «играю», «занимаюсь спортом» и др.). В Германии очень развиты структуры социальной и психологической помощи мигрантам, создаются многочисленные реабилитационные и развивающие центры, где организуется специализированная работа с мигрантами по преодолению их жизненных трудностей, развитию у них «рефлексивной межкультурности» [8]. Мигранты могут беспрепятственно обращаться в эти центры, чтобы отреагировать свои деструктивные эмоции и получить квалифицированную социальную поддержку. Им легче довериться специалисту, чем рассказывать о своих трудностях в семье или в школе.

Мигранты, проживающие в России, либо *игнорируют наличие межкультурных коммуникативных трудностей*, дистанцируясь от них («не замечаю проблем», «просто живу», «пытаюсь не думать о плохом», «ухожу в себя»), либо стремятся активно преодолевать возникающие трудности — *осмысливать проблему*, *искать путь к ее решению* («задумываюсь о причинах», «стараюсь понять, в чем моя вина», «думаю, как лучше поступить в этой ситуации») или использовать *корыстно-манипулятивные стратегии* («обманываю», «ищу слабые места партнера», «скрываю свои чувства», «прикидываюсь обиженным», «делаю вид, что не понимаю»). Активные коммуникативные пробы, в отличие от дистанцирования, более важны для подростков-мигрантов, т.к. способствуют накоплению индивидуального опыта межкультурного взаимодействия и развитию межкультурной коммуникативной компетентности.

Выводы

1. Существуют общие межкультурные коммуникативные трудности, возникающие у подростков-беженцев из зон военных конфликтов, независимо от места их проживания: раздражительность, безынициативность, ожидание предвзятого к себе отношения со стороны представителей другой культуры, неуверенность в себе, трудности ориентации в коммуникативной ситуации, целеполагания и планирования, перестройки коммуникативной программы, трудности построения диалога, принятия ведущей позиции в общении и вербальные трудности, неспособность признавать собственные ошибки, страх использования новых способов общения. Данные трудности у мигрантов, проживающих в Германии, возникают в процессе межкультурного общения со взрослыми людьми, а у мигрантов, приехавших в Россию, — в процессе межкультурной коммуникации со сверстниками.

2. У подростков-беженцев, мигрировавших в разные страны, существуют специфические межкультурные коммуникативные трудности. Мигранты, проживающие в Германии, испытывают трудности эмпатии, не способны давать адекватную оценку своим действиям; в общении со сверстниками проявляют эгоцентризм, неспособность предвидеть конфликт, трудности выбора способа влияния и самоконтроля. Беженцы, адаптирующиеся к жизни в России, испытывают трудности в установлении контакта, склонны к конформизму, не способны исправлять собственные ошибки в коммуникациях; эмоционально-лично зависят от взрослых, а по отношению к успешным сверстникам испытывают зависть.

3. Подростки-мигранты второго поколения в целом более гармоничны в межкультурных коммуникациях, что связано

с успешной аккультурацией и накопленным опытом поликультурного взаимодействия. Однако мигранты, проживающие в установлении контакта со взрослыми и эмоционально-личностную зависимость от них, что вызывает вербальные трудности и усложняет самоанализ коммуникативных действий; эти же трудности возникают у мигрантов, живущих в России, но уже в общении со сверстниками. Повторяющиеся трудности мигрантов первого и второго поколений подтверждают доминантность, авторитетность взрослых в немецкой культуре, а также тот факт, что в российской образовательной среде мигранты не чувствуют себя в безопасности, боятся стать жертвами буллинга.

4. У мигрантов второго поколения, проживающих в России, значимо реже возникают трудности межкультурного взаимодействия по сравнению с подростками, проживающими в Германии. Это может быть связано с общностью менталитета, социокультурными традициями коллективного проживания представителей разных национальностей (армяне, грузины, азербайджанцы, таджики, узбеки, молдаване и др.) в составе Советского Союза.

5. Подростки-мигранты первого поколения, приехавшие в Германию и Россию из зон военных конфликтов, преимущественно используют неконструктивные стратегии преодоления межкультурных коммуникативных трудностей: обвинение, саморазрушающее поведение, уход в болезнь, бездействие, моббинг, надежда на чудо. Более конструктивные стратегии преодолевающего поведения зафиксированы у подростков-мигрантов второго поколения: поиск социальной поддержки, решение возникшей проблемы, временное дистанцирование от травмирующей ситуации, манипулирование.

6. Поликультурность может стать фактором, тормозящим социальное развитие подростка, а может быть ресурсом личностного развития, раскрытия коммуникативных потенциалов, пространством для приобретения и рефлексии индивидуального опыта общения в чужой стране. Для формирования межкультурной коммуникативной компетентности мигрантов необходимо адресное сопровождение процессов адаптации и аккультурации детей и подростков.

Литература

1. *Кусургашев В.Н.* Трансформация ценностных установок подростков под воздействием военных действий на Донбассе // Материалы международной научно-практической конференции «Детское и молодежное движение: история и современность» (г. Кострома, г. Астана, г. Барнаул, г. Самара, г. Луганск, 13 апреля—19 мая 2016 г.) / Отв. ред., авт. предисл. В.А. Кудинов. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2016. С. 151—155.
2. *Самохвалова А.Г., Екимчик О.А.* Коммуникативные трудности подростков: исследование психометрических качеств опросника «Трудности в общении со сверстниками и взрослыми» [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2018. Т. 11. № 60. С. 7. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 27.05.2019).
3. *Самохвалова А.Г., Кудинов В.А.* Коммуникативные трудности российских и украинских подростков // Сибирский педагогический журнал. 2018. № 6. С. 124—134.
4. *Самохвалова А.Г., Метц М.В., Скрябина О.Б.* Кросскультурные различия коммуникативных трудностей российских и немецких подростков // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2018. № 3. С. 276—284.
5. *Сиврикова Н.В.* Проблемы изучения поколений в психологии // Культурно-историческая психология. 2015. № 11(2). С. 100—107.
6. *Триандис Г.К.* Культура и социальное поведение. М.: Форум, 2007. 384 с.
7. *Erl A., Gymnich M.* Inkulturellen Kompetenzen. Klett Lehnttraining, 2015. 177 p.
8. *Hamburger F.* Abschied von der Inkulturellen Pädagogik. Plädoyer für einen Wandel sozialpädagogischer Konzepte. Beltz Juventa, 2012. 212 p.
9. *Mecheril P.* Migrationspädagogik. Baltz Verlag: Weinheim und Basel, 2010. 191 p.
10. *Meister D.M.* Zwischenwelten der Migration. Biographische Übergänge jugendlicher Aussiedler aus Polen. Juventa Verlag Weinheim und München, 1997. 242 p.
11. *Metz M.* Migration-specific trends, challenges and perspectives for education in Germany. Radom: Polska akademia nauk. Komitet nauk pedagogicznych // Rocznik Pegagogiczny. 2016. T. 39. С. 105—112.
12. *Sandring S.* Scheiternde Schulkarrieren im Spiegel der Anerkennungsbedürfnisse Jugendlicher. Springer VS, 2013. 281 p.

References

1. *Kusurgashev V.N.* Transformatsiya tsennostnykh ustanovok podrostkov pod vozdeistviem voennykh deistvii na Donbasse [Trust of value systems of adolescents under the influence of hostilities in the Donbas]. In Kudinov V.A. (ed.). *Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii "Detskoe i molodezhnoe dvizhenie: istoriya i sovremennost"* (g. Kostroma, g. Astana, g. Barnaul, g. Samara, g. Lugansk, 13 aprelya—19 maya 2016 g.) [Proceedings of the International Scientific and Practical Conference "Children's and Youth Movement: History and Modernity"]. Kostroma: Publ. KGU im. N.A. Nekrasova, 2016, pp. 151—155.
2. *Samokhvalova A.G., Ekimchik O.A.* Kommunikativnye trudnosti podrostkov: issledovanie psikhometricheskikh kachestv oprosnika «Trudnosti v obshchenii so sverstnikami i vzoslymi» [Elektronnyi resurs] [Communicative difficulties of adolescents: study of the psychometric qualities of the questionnaire "Difficulties in communicating with peers and adults"]. *Psikhologicheskije*

- issledovaniya = Psychological research*, 2018, no. 11(60), p. 7. URL: <http://psystudy.ru> (Accessed 27.05.2019). (In Russ., Abstr. in Engl.).
3. Samokhvalova A.G., Kudinov V.A. Kommunikativnye trudnosti rossiiskikh i ukrainiskikh podrostkov [Communicative difficulties of Russian and Ukrainian teenagers]. *Sibirskii pedagogicheskii zhurnal = Siberian Pedagogical Journal*, 2018, no. 6, pp. 124–134. (In Russ., abstr. in Engl.).
 4. Samokhvalova A.G., Metts M.V., Skryabina O.B. Krosskul'turnye razlichiya kommunikativnykh trudnostei rossiiskikh i nemetskikh podrostkov [Cross-cultural differences in the communicative difficulties of Russian and German teenagers]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika. Psikhologiya. Sotsiokinetika = Herald of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetika*, 2018, no. 4, pp. 276–284. (In Russ., abstr. in Engl.).
 5. Sivrikova N.V. Problemy izucheniya pokolenii v psikhologii [Problems of studying generations in psychology]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-historical psychology*, 2015, no. 11 (2), pp. 100–107. (In Russ., abstr. in Engl.).
 6. Triandis G.K. Kul'tura i sotsial'noe povedenie [Culture and social behavior]. Moscow: Publ. Forum, 2007. 384 p. (In Russ.).
 7. Erll A., Gymnich M. Inkulturellen Kompetenzen. Klett Lehnraining, 2015. 177 p.
 8. Hamburger F. Abschied von der Inkulturellen Pädagogik. Plädoyer für einen Wandel sozialpädagogischer Konzepte. Beltz Juventa, 2012. 212 p.
 9. Mecheril P. Migrationspädagogik. Baltz Verlag: Publ. Weinheim und Basel, 2010. 191 p.
 10. Meister D.M. Zwischenwelten der Migration. Biographische Übergänge jugendlicher Aussiedler aus Polen. Juventa Verlag Weinheim und München, 1997. 242 p.
 11. Metz M. Migration-specific trends, challenges and perspectives for education in Germany. Radom: Publ. Polska akademia nauk. Komitet nauk pedagogicznych. *Rocznik Pedagogiczny*, 2016, no. 39, pp. 105–112.
 12. Sandring S. Scheiternde Schulkarrieren im Spiegel der Anerkennungsbedürfnisse Jugendlicher. Springer VS, 2013. 281 p.

Информация об авторах

Самохвалова Анна Геннадьевна, доктор психологических наук, доцент, директор Института педагогики и психологии, ФГБОУ ВО «Костромской государственный университет» (ФГБОУ ВО КГУ), г. Кострома, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4401-053X>, e-mail: a_samohvalova@ksu.edu.ru

Метц Марина Валерьевна, доктор философии (PhD), старший преподаватель, Евангелическая Высшая школа, г. Дармштадт, Германия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3056-7246>, e-mail: marina.metz@eh-darmstadt.de

Information about the authors

Anna G. Samokhvalova, Doctor of Psychology, Assistant Professor, Director of the Institute of Pedagogy and Psychology, Kostroma State University, Kostroma, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4401-053X>, e-mail: a_samohvalova@ksu.edu.ru

Marina V. Metz, Doctor of Philosophy (PhD), Lector, an Evangelical graduate school, Darmstadt, Germany, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3056-7246>, e-mail: marina.metz@eh-darmstadt.de

Получена 16.06.2019

Received 16.06.2019

Принята в печать 03.07.2020

Accepted 03.07.2020